

ФИНАНСОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.В. МАТВЕЕВ

**Отечественный опыт
государственных и военных
органов в создании
противоракетной обороны:
история и политика**

Служу России!

Олег Матвеев

**Отечественный опыт
государственных и военных
органов в создании
противоракетной обороны:
история и политика**

«Горизонт»

2015

УДК 335.111.6
ББК 63.3

Матвеев О. В.

Отечественный опыт государственных и военных органов в создании противоракетной обороны: история и политика / О. В. Матвеев — «Горизонт», 2015 — (Служу России!)

ISBN 978-5-9901311-9-4

В монографии проведен системный анализ политического и исторического опыта военного строительства в области противоракетной обороны, выявлена зависимость стратегической стабильности от программ противоракетной обороны. Обобщен некоторый отечественный опыт организации деятельности испытательного полигона и формирования кооперации оборонной промышленности по проблеме противоракетной обороны – элемента ракетно-ядерного сдерживания. Книга рассчитана на специалистов и широкий круг читателей, интересующихся проблемами военной истории, противоракетной обороны, политики и международной жизни.

УДК 335.111.6

ББК 63.3

ISBN 978-5-9901311-9-4

© Матвеев О. В., 2015

© Горизонт, 2015

Содержание

Введение	6
Раздел I	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Олег Викторович Матвеев
Отечественный опыт
государственных и военных органов
в создании противоракетной
обороны: история и политик

© Матвеев Олег Викторович, 2015

Введение

Военно-политическая обстановка в мире характеризуется сохранением общей тенденции к нагнетанию международной напряжённости, значительным снижением непосредственной угрозы глобального военного столкновения с использованием высокоточного оружия. Однако гарантий необратимости этого процесса нет, и данная тенденция может оказаться неустойчивой вследствие наличия ряда противоречий. Оценка перспективы развития военно-политической обстановки на ближайшие десятилетия, свидетельствует о том, что в мире пока не сложатся гарантии необратимости позитивных перемен, не будут созданы общемировые и региональные механизмы обеспечения безопасности, нельзя полностью исключить возможность развязывания военных конфликтов и войн. Военная сила остаётся одним из инструментов обеспечения государственных интересов, защиты суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, выполнение обязательств по поддержанию международного мира и безопасности.

Восемь лет назад во время выступления в Мюнхене президента В.В. Путина прозвучало предупреждение о системных проблемах в организации европейской безопасности. Но тогда в Европе подобные выводы посчитали преувеличенными. В итоге «стратегическое партнерство России и Европейского союза не выдержало испытания на прочность». Однако, уже в 2014 году ЕС предпочел конфронтационный путь.

В ходе Мюнхенской конференции 2015 года, посвященной проблеме архитектуры безопасности в Европе, глава российского внешнеполитического ведомства С. Лавров отмечал, что вместо снижения ракетных угроз, благодаря американской одержимости, в Евро-Атлантике возник сильный раздражитель – американская глобальная ПРО, избавляться от которого предстоит очень долго¹.

Необходим постоянный поиск новых путей обеспечения военной безопасности России, сохранения сложившегося военно-стратегического равновесия на постоянно снижающемся, но достаточном для сдерживания агрессии минимальном уровне. Существенное значение приобретает понятие стратегической стабильности, то есть такого состояния военно-политических отношений между государствами и коалициями государств в условиях существующего и поддерживаемого между ними военного равновесия, при котором у каждой из сторон отсутствуют как политические стремления, так и возможности его нарушения на рассматриваемом интервале времени.

Основа стратегической стабильности – военное равновесие, то есть такое состояние военной мощи государства или коалиций государств, при котором ни одна из сторон не может добиться своих военно-политических целей путем агрессии. В настоящее время повышается роль и других факторов, обеспечивающих стабильность межгосударственных отношений в многополюсном мире.

Военное равновесие определяется качественными составами стратегических наступательных и оборонительных систем сторон (стратегических наступательных сил и стратегических оборонительных сил), их боевыми возможностями и сценариями боевых действий в мировой ядерной войне. Определение показателей и критериев военного равновесия относится к наиболее сложным и трудно формализуемым этапам исследования стабильности.

Важную роль в поддержании стратегической стабильности играет, с одной стороны, стратегические наступательные вооружения и высокоточное оружие, а, с другой – стратегические оборонительные вооружения. Особое место – занимают ядерное оружие и средства его доставки, а также противоракетная оборона.

¹ См.: Шестаков Е. Мюнхенский Разговор // Российская газета, – 2015, – 8 февраля.

Несмотря на действие международных договорённостей о нераспространении ядерного оружия и непередаче ракетных технологий не удаётся эффективно сдерживать продвижение ядерного и ракетного оружия в «третьи» страны, с 2000 года ракетное оружие имеют порядка 24 стран (Прил. 1).

Быстрому прохождению «третьих» стран по такому опасному пути способствовала международная торговля ракетным оружием.

Только Советский Союз поставил дружественным и развивающимся странам некоторое количество ракет оперативного назначения «Скад». Эти ракеты непосредственно применялись для обстрела городов в боевых действиях между Ираком и Ираном использовались правительственными войсками в Афганистане против моджахедов, Ирак направлял эти ракеты на израильские города и другие объекты во время военных действий в Персидском заливе. Ракеты данного типа послужили конструкторской основой для модернизированных вариантов ракетного оружия с существенно большей дальностью полёта.

Далее всех продвинулись в собственном ракетостроении: Израиль (создана ракета «Иерихон» на 1 500 км в двухступенчатом варианте и на 4 800 км – в трёхступенчатом; может использоваться в качестве ракеты-носителя); Индия («Агни» – на 2 400 км); Ливия («Фитих» – на 500 км, 800 км у ракет, закупленных в Бразилии); Пакистан («Хавт» – на 300 км, в перспективе – 600 км), Северная Корея (типа «Скад» – на 350 км); Тайвань («Трин Би» – на 100 км). Ведут собственную разработку ракет Аргентина (до 1 000 км), Бразилия (до 1 200 км). Ракеты оперативно-тактического назначения имеют Иран (до 320 км), Египет (до 80 км), ЮАР.

В отношении ракетной опасности следует учитывать ряд важных тенденций.

Ведущими мировыми державами признано, что преднамеренное развязывание в современных условиях широкомасштабного ракетно-ядерного конфликта между ними исключено. Осуществлены надёжные мероприятия по недопущению несанкционированного или случайного применения ракетно-ядерного оружия. Обеспечена безопасность его повседневной эксплуатации (исключение в любых условиях ядерного взрыва), приняты чрезвычайные меры по охране стартовых позиций и устранению диверсионных проникновений, вскрытий боевых и технологических систем, введена кодированная защита от несанкционированных пусков.

В соответствии с двухсторонними соглашениями по уменьшению опасности возникновения ядерной войны организованы и постоянно функционируют линии прямой («горячей») связи между Россией и США, Россией и Францией, Россией и Великобританией для немедленного выяснения высшим руководством стран:

– о несанкционированном или случайном запуске ракеты, либо об ином инциденте, связанном с возможным взрывом ядерного оружия, который мог бы создать опасность возникновения ядерной войны;

– об обнаружении неопознанных объектов системой предупреждения о ракетном нападении, о недопустимых помехах этим системам или соответствующим средствам связи.

Странами по линии МИД даются заблаговременные уведомления о пусках ракет за пределы национальной территории.

Введённые ведущими мировыми державами меры обеспечения безопасности пока действовали эффективно. За время эксплуатации ракетно-ядерного оружия США, России, Франции, Великобритании и Китая при наличии аварий и катастроф не произошло сколь-нибудь серьёзных инцидентов, которые создали бы реальные предпосылки к возникновению ядерной опасности, а тем более давали бы повод к развязыванию ядерной войны. Имеются и пока ещё нереализованные возможности дальнейшего усиления гарантий безопасности: внедрение систем командной или автоматической ликвидации случайно или несанкционированно запущенных ракет, а при соответствующей взаимной межгосударственной договорённости – значительное понижение степени боеготовности стратегического оружия, в том числе и радикальное – путём отстыковки головных частей и их складском хранении.

В отношении «третьих» стран, признавая реально существующую ракетную опасность с их стороны, особенно при имеющихся у некоторых из них возможностях оснащения собственных ракет атомным и иными видами оружия массового поражения, всё же необходимо иметь в виду, что перечисленные выше государства не смогут в короткие сроки совершить качественный скачок в разработке баллистических ракет и выйти на уровень большой, а тем более межконтинентальной дальности.

Во-первых, лишь некоторые из этих государств располагают научной, исследовательской, экспериментальной и производственной базой, и то с весьма ограниченными возможностями, явно недостаточными для решения сложных проблем стратегического ракетостроения.

Во-вторых, процесс создания баллистических ракет большой дальности невозможно укрыть от заинтересованного внимания общественности и контроля государств мирового сообщества: стендовые и полигонные испытания таких ракет, а тем более экспериментальные отработочные пуски за пределы национальных территорий, зафиксированные разведывательными системами различных государств, дают достаточно информации, чтобы не ошибиться относительно технического облика разрабатываемого оружия.

И всё же, при отсутствии опыта эксплуатации ракетного оружия и возможной политической нестабильности в странах мира появляется повышенный риск случайного, несанкционированного или провокационного применения такого оружия.

Пока наибольшая угроза от ракетного оружия «третьих» стран существует для государств Ближнего и Среднего Востока, Африки, Западной Европы, Содружества независимых государств, в том числе и России, Индии и Китая. В силу особого геостратегического расположения территории США не достижима для оружия тех стран «третьего» мира, которые сегодня таким оружием владеют.

Особое внимание следует обратить на возможные технологические прорывы, которые могут привести к достижению односторонних военных преимуществ, открывающих стране, им обладающей, большие возможности играть заглавную роль в мировом сообществе.

Речь здесь прежде всего идёт об американской программе противоракетной обороны и её разновидностей, призванной обеспечить перехват ограниченного количества боевых блоков и тем самым нейтрализовать случайные, несанкционированные одиночные и немногочисленные групповые пуски, в том числе и со стороны «третьих» стран. Следовало бы отметить условность ссылки на ограниченность возможностей противоракетной обороны для такой высокоразвитой страны как США. Переход от ограниченной к широкомасштабной противоракетной обороне, по оценкам, может составить период не более 2–3 лет. Поэтому закономерно, что одностороннее создание даже ограниченной системы противоракетной обороны приведет к нарушению стратегической стабильности.

В начале XXI в. американские идеологи увидели в развертывании глобальной по масштабам и коалиционной по международной интеграции стратегической противоракетной обороны под эгидой США не только инструмент противодействия глобализации ракетной опасности, но и действенный политический механизм поддержания гегемонии в мире. Однако подобная политика наносит существенный ущерб национальным интересам всех ядерных государств, вынуждая последних предпринимать ответные меры, несет в себе мощный конфликтный потенциал в сфере ракетно-ядерного оружия опасный с точки зрения нарушения стабильности.

Несмотря на «перезагрузку» в российско-американских отношениях, взаимоотношения между государствами, в современной системе международных отношений, продолжают носить непростой характер. Свидетельством тому служат достаточно серьезные противоречия в украинском вопросе, расширение НАТО, развертывание американской противоракетной обороны вблизи российских границ. Кроме того, все отчетливее становится опасная тенденция Вашингтона к разрушению баланса сил в мире (хотя и довольно условного после распада СССР и

мировой системы социализма, и стремлению применять силу там, где администрация Белого дома сочтет это нужным. Даже без санкции ООН, как это было в сентябре 2014 года при нанесении ракетно-бомбовых авиационных ударов по Сирии².

В XXI в. мир не стал более безопасным, а с крушением системы двухполярного мира современная система международных отношений характеризуется не исключением роли военной силы, проведением политики двойных стандартов. Рост конфликтности в мире свидетельствует о том, что в решении международных проблем военной силе вновь отводится если не главная, то весьма важная роль.

Российские военные специалисты в области воздушно-космической обороны утверждают, что непрерывное наращивание и совершенствование стратегических наступательных сил и средств, а также принятие решений, определяющих национальную политику США в области космического пространства, свидетельствуют о курсе на достижение военно-технического и прежде всего американского оперативно-стратегического превосходства над любым из гипотетических противников (или их коалицией).

Характеризуя положение России как одной из крупнейших стран мира, Стратегия национальной безопасности обоснованно утверждает: «Несмотря на сложную международную обстановку и трудности временного характера, она в силу значительного экономического, научно-технического и военного потенциалов, уникального положения на Евразийском континенте объективно продолжает играть важную роль в мировых процессах»³.

Оценка складывающейся за последние годы обстановки приведена в выступлении В. Путина на конференции по вопросам политики и безопасности в Мюнхене: «...Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того – отдельные нормы, да по сути чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах...»⁴. В ходе заседания Совета безопасности РФ в июле 2014 года Президент В. Путин отмечал усиление группировки войск НАТО в восточной Европе, в связи с чем Россия вынуждена адекватно и соразмерно реагировать на приближение военного альянса к границам РФ⁵.

Национальная безопасность современного Российского государства основывается на более сложном, чем прежде, комплексе многоплановых политических, идеологических, военных и иных мер⁶. Решающее значение среди этих мер имеют средства преимущественно политического характера, направленные на упрочение международного положения государства, обеспечение устойчивых геополитических позиций, надежной защиты его интересов от посягательств извне и разрешение назревающих противоречий мирным путем. Однако эти меры могут быть эффективными лишь при условии, если они органически сочетаются с действиями военного оборонительного характера, активным сдерживанием возможного агрессора, блокированием его попыток оказать давление за счет технологических прорывов в военном деле.

Без знания прошлого невозможно понять настоящее и попытаться спрогнозировать будущее. В этой связи особый смысл приобретают слова Н. Макиавелли: «Тот, кто хочет предвидеть будущее должен консультироваться с прошлым. Это связано с тем, что все производится

² URL: <http://news.rambler.ru/27064459/> (дата обращения – 2.10.2014 г.).

³ См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 // Российская газета. 2009. – 12 мая.

⁴ См.: Речь Путина 10 февраля 2007 г. в Мюнхене – попытка зафиксировать свои исторические заслуги. VURL: <http://www.newsgu.com/world> (дата обращения – 17.02.2011 г.).

⁵ Речь Путина на заседании Совбеза РФ // Независимая газета, 2014, – 22 июля.

⁶ См.: Военная доктрина Российской Федерации: принята Указом Президента РФ № 146 от 5 февраля 2010 г. // Российская газета. 2010. № 15. – 10 февраля.

людьми, которые когда-либо были, и если будут анимированы те же страсти и таким же образом, то они обязательно будут иметь те же результаты»⁷.

Советско-американские отношения несомненно были детерминированы событиями, происходящими в общественно-политической жизни каждого государства, международными событиями и межгосударственными отношениями. В условиях противостояния двух общественно-экономических формаций закономерно, что одной из отличительных черт таких отношений была гонка стратегических наступательных и оборонительных вооружений.

Выступая перед студентами университета Санкт-Петербурга во время визита в Россию в мае 2002 года, президент США Дж. Буш отмечал, что сегодня мы друзья, но не известно, что будет через десять лет⁸.

Наметившиеся потепления в российско-американских отношениях на фоне борьбы с международным терроризмом не всегда были однозначны: не было обещанной поддержки по списанию российского финансового долга; не просматривалось понимание в борьбе с терроризмом в Чечне; поддерживались агрессивные устремления Грузии; очевидна активная поддержка политики украинской власти, приведшей к гражданской войне и геноциду русскоязычного населения; вводятся американские и иницируются санкции ЕС против России; расширяется НАТО; американская противоракетная оборона приближается к границам России и т. д.

Согласно результатам опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение», отрицательную динамику в отношениях между Россией и США в последний год усматривают 60 % участников опроса, 22 % уверены, что ситуация осталась на том же уровне, 5 % – что она улучшилась. Практически половина (48 %) россиян оценивает отношения между Россией и США как плохие. Нейтральными их называет 38 % опрошенных, по мнению 5 % в диалоге двух стран все хорошо. При этом относительное большинство (45 %) россиян относится к США нейтрально, каждый третий (33 %) – плохо, и лишь 17 % – хорошо. В США, по мнению 31 % респондентов, плохо относятся к России, 26 % предполагают, что россияне американцам безразличны, только 14 % рассчитывают на хорошее отношение к своей стране. Между тем, более трети (38 %) россиян хотят сближения России и США. В частности, по мнению 19 % респондентов, дружеские отношения двух стран могли бы стать гарантией международной безопасности, 8 % убеждены, что дружественное сотрудничество просто необходимо, 4 % считают контакты с США интересными для российской экономики, 3 % сообщают, что Россия и США – ведущие мировые державы, которые должны быть вместе. Вместе с тем, по мнению 13 %, России стоит соблюдать дистанцию в отношениях с США. Столько же (13 %) выступили за сохранения статус-кво. В том числе 3 % респондентов считают, что это единственная возможность сохранить мир, 2 % довольны нынешним положением дел, по 1 % указывают на то, что Россия не должна зависеть от США, что Америка ведет враждебную политику по отношению к российской стороне, что она стремится к мировому господству⁹.

Российский Президент справедливо отмечает, что **«Мы должны гордиться своей историей, и нам есть, чем гордиться. Вся наша история без изъятий должна стать частью российской идентичности. Без признания этого невозможно взаимное доверие и движение общества вперед»**¹⁰. В этой связи особый смысл приобретают слова отечественного историка С. М. Соловьева о том, что «... в истории ничего не оканчивается вдруг и ничего не начинается вдруг; новое начинается в то время, когда старое продолжается»¹¹.

⁷ URL: <http://hnn.us/articles/1328.html> (дата обращения – 12.02.2010 г.).

⁸ См.: *Прим. – авт.*

⁹ URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1345705/> (дата обращения – 4.10.2014 г.).

¹⁰ <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html><http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения – 24.10.2015 г.).

¹¹ См.: Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 69.

Вот почему важнейшими задачами на современном этапе являются всестороннее и глубокое изучение истории нашего Отечества в целом, и ***особенно осмысление опыта, характера, направленности политики и деятельности военных и государственных органов в оборонном строительстве***, необходимого для выработки верных подходов к актуальным современным проблемам, учет уроков истории при обосновании выводов и анализе состояния, тенденций и перспектив обеспечения военной безопасности России.

Раздел I

Значение противоракетной обороны в системе стратегической стабильности

В конце 1960-х – начале 1970-х годов основной формой сдерживания в биполярном мире стал ядерный паритет (примерное равенство в количестве боезарядов и средств их доставки).

Под военно-стратегическим паритетом традиционно понимается равенство боевых потенциалов противоборствующих сторон. Паритет стал отождествляться с количественным равенством основных видов вооружения, появилось понятие паритета в области обычных вооружений, между соответствующими видами ВС, в силах и средствах на отдельных театрах военных действий (далее – ТВД), стратегических направлениях и т. д.

Подход ядерного сдерживания при условии соблюдения Договора по противоракетной обороне 1972 года, оправдывал себя. При этом соотношение боевых потенциалов сторон оценивалось посредством сравнения численности личного состава ВС и вооружений без учета различий их тактико-технических характеристик (далее – ТТХ) и уровня развития видов обеспечения. Однако, с появлением высокоточного оружия (далее – ВТО), другого качественного оружия и технических средств характер вооруженной борьбы радикально изменился. Оценка ее *хода и исхода* стала зависеть от не учитывавшихся ранее и малоисследованных интегрированных свойств группировок ВС, создаваемых США и СССР для проведения операций и боевых действий¹².

К одной из таких группировок следует отнести российские силы и средства войск ракетно-космической обороны¹³, создание и развитие которых стало одним из направлений деятельности государственных и военных органов в оборонном строительстве, укреплении военной безопасности, другим направлением – развертывание системы воздушно-космической обороны на основе зенитных ракетных комплексов С-400 и системы ракетно-космической обороны, обеспечивающей воздушно-космическую оборону.

В 1970-х годах в связи с переговорами между Советским Союзом и Соединенными Штатами по ограничению стратегических вооружений, в первую очередь, – ядерных при фиксированном уровне противоракетных оборонительных систем, в появилось понятие военно-стратегической стабильности.

Под военно-стратегической стабильностью, в результате длительных дипломатических переговоров и научных обсуждений, стало пониматься «устойчивое состояние международных отношений, при котором государство (коалиция государств) воздерживается от решения спорных вопросов военными средствами»¹⁴.

Исторический опыт свидетельствует, что дальнейшая гонка стратегических наступательных вооружений (далее – СНВ) оказалась бесперспективной, в связи с чем в середине 1980-х годов руководители США и СССР¹⁵, а затем и России, официально заявили о невозможности достижения победы в ядерной войне. Тенденции развития взглядов на использование ядер-

¹² Национальная безопасность страны и военно-стратегическое равновесие // Военная мысль. 1997. Май – июнь. С.3.

¹³ Воска РКО были образованы в 1993 г. в соответствии с Указом Президента РФ, ведущие свое начало от войск противоракетной и противокосмической обороны в составе Войск ПВО страны, созданных 30 марта 1967 г. Затем Решением Президента РФ Д.А. Медведевым 1 декабря 2011 г. были сформированы Войска воздушно-космической обороны (далее – ВКО), объединившие РКО и часть сил ПВО (*Прим. – авт.*).

¹⁴ См.: Военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1994. Т.2. С.184.

¹⁵ См.: *Смит Джс.* Директива Клинтона на применение ядерного оружия США / Перевод с англ. В. Пырьева // Стратегическая стабильность, 1998, № 2. С. 101.

ного оружия, способствовали формированию новых основ ядерной и стратегической стабильности¹⁶.

Данные обстоятельства обусловили определение, в котором *под военно-стратегической стабильностью понимается такое состояние отношений между государствами, при котором ни одно из государств не может решиться первым использовать ракетно-ядерное оружие и не видит необходимости в разработке новых крупных программ основных видов СНВ, чтобы избежать невыгодного для себя положения*¹⁷.

Понятие стратегической стабильности стало фундаментом при разрешении проблем установления контроля над вооружениями, развития военной техники, сокращения и развития СНВ и стратегических оборонительных сил. Несмотря на то, что существует несколько концепций стратегической стабильности (наиболее известны концепции кризисной стабильности, сдерживания, стабильности гонки вооружений)¹⁸, наиболее актуальной является концепция стабильности сдерживания. *Основной компонентой данной концепции стратегической стабильности стало военное равновесие, закрепленное количественными и качественными составами СНВ и оборонительных систем сторон, их военно-экономическими потенциалами и планами боевых действий в ядерной войне.*

Исторический опыт свидетельствует, что критерии и способы сдерживания, достижения военного равновесия сверхдержавы вырабатывали путем политических и военных союзов с другими государствами; путем создания и развития национальных СНВ и стратегических оборонительных систем¹⁹, ставшим одним из направлений деятельности отечественных государственных и военных органов в оборонном строительстве.

Анализ обобщаемого материала позволяет сделать вывод, что в 1970-1990-х годах в состав стратегических вооружений вошли четыре компонента:

- СНВ, основу которых составляют стратегические ядерные силы и средства воздушно-космического нападения (далее – СВКН);
- системы боевого управления (далее – СБУ);
- стратегические информационные системы, обеспечивающие получение и выдачу информации, необходимой для выработки санкций на применение ВС, в том числе стратегические ядерные силы, и выбора адекватного сложившейся ситуации плана ответных действий. Важнейшими из этих систем являются прежде всего система предупреждения о ракетном нападении (в США аналогом такой – является система предупреждения о ракетно-ядерном ударе (далее – СПРЯУ) и информационно-разведывательные средства систем противоракетной обороны и контроля космического пространства (Прил. 2);
- стратегические оборонительные комплексы и системы противоракетной, противокосмической и противосамолетной обороны. В свою очередь, по предназначению, эти системы целесообразно разделить на две составляющие: для обороны российских стратегических ядерных сил (далее – СЯС) (у американской стороны стратегических наступательных сил (далее – СНС) и командных пунктов Верховного Главнокомандования (далее – КП ВГК) и

¹⁶ См.: РФ: безопасность и военное сотрудничество. М.: «Обозреватель», 1995. С.75.

¹⁷ См.: Основы военной политологии/ Под ред. Е.И. Рыбкина. М.: ВАД, 1991. С. 139–140; РФ: безопасность и военное сотрудничество. М.: «Обозреватель», 1995. С. 75 и др.

¹⁸ См.: Стреляев С.П. Проблема достаточности СНВ в современном мире: Дис... канд. полит. наук. М.: РАГС, 1996, С. 62–63.

¹⁹ Таких как противоракетная оборона (далее – ПРО), противокосмическая оборона (далее – ПКО), система предупреждения о ракетном нападении (далее – СПРН), система контроля космического пространства (далее – СККП) (См.: *Вотищев Ю.В.* Неизвестные войска исчезнувшей сверхдержавы // Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 54–61; 1993. № 9. С. 26–37; 1993. № 10. С. 32–42; 1993. № 11. С. 12–27; Меч и щит России. Ракетно-ядерное оружие и системы противоракетной обороны. Калуга: Информагентство «Калуга-пресс», 2007. 620 с.; Ракетный щит Отечества / под общ. ред. Главкома РВСН генерал-полковника В.Н. Яковлева. М.: ЦИПК РВСН, 1999. 254 с. и др.)

видов ВС; защиты важнейших экономических и потенциально-опасных объектов, административно-политических центров (далее – АПЦ).

При этом роль и место систем войск ВКО в обеспечении военной безопасности (концепции стабильности сдерживания) определяются предназначением средств систем, целями и решаемыми задачами и не зависят от используемой модели стратегической стабильности (рис. 1).

Такой подход к рассмотрению роли и задач систем противоракетной и противосамолётной обороны, вклада в обеспечение военной безопасности СССР-России и стратегической стабильности, утверждает в мысли о том, что подтверждается известная диалектическая связь между наступательными и оборонительными средствами противостоящих друг другу сторон и каждой из них в отдельности.

Рис. 1. Роль и место ВКО в обеспечении военной безопасности (концепции стабильности сдерживания)

Как следствие противоборства двух общественно-политических систем сложился военно-стратегический баланс, представляющий форму выражения соотношения качественных и количественных показателей сил двух сторон и фактов, определявших стратегическую ситуацию. Их совокупность представляет собой сложную динамическую макросистему, главным элементом которой являются стратегические ядерные силы и стратегические оборонительные (обеспечивающие) системы, обеспечивающие эффективность их боевого применения, этими системами стали противоракетной обороны, контроля космического пространства, предупреждения о ракетном нападении и противосамолётной обороны в составе Воздушно-космической обороны.

При этом исторический опыт развития стратегического баланса таков, что появление (даже разработка и испытания, не говоря уже о развертывании) претендующего на эффективность нового наступательного или оборонительного оружия у одной стороны может вызвать

существенное нарушение баланса, которое другая сторона компенсирует развертыванием своего оружия, обеспечивая тем самым стратегическое равновесие на более высоком уровне, характеризующемся большей степенью неустойчивости²⁰.

Маршал С.Ф. Ахромеев отмечал, что «если даже в обозримой перспективе советско-американские отношения улучшатся настолько, что американская сторона будет готова пойти на достижение взаимоприемлемых и равноправных соглашений по ограничению и сокращению СНВ, то наличие даже в ограниченных масштабах испытанных и развернутых элементов космической системы противоракетной обороны намного усложнит переговоры и значительно уменьшит шансы на достижение таких договоренностей. То, что это действительно так, подтверждается практикой разработки договоров ОСВ и СНВ. Без договора по противоракетной обороне они были бы недостижимы»²¹.

Обобщение исследуемого материала свидетельствует, что на рубеже 1960-1970-х годов, признавая достижение военно-стратегического паритета, взаимозависимость СНВ и контроружия, СССР и США приступили к обсуждению проблемы стратегических вооружений. Одновременное заключение в 1972 году между Советским Союзом и Соединенными Штатами бессрочного Договора об ограничении систем противоракетной обороны и первого Соглашения об ограничении СНВ (ОСВ-1) стало первым шагом в укреплении военной безопасности и в формировании основ стратегической стабильности сдерживания.

Уроки Карибского кризиса, аналитические прогнозы многих американских наблюдателей подвигли администрацию к осознанию тех серьезных трудностей, с которыми столкнулась внешняя политика США²². По мнению специального советника Дж. Кеннеди Т. Соренса, кризис убедительно продемонстрировал невозможность победы в ядерной войне и необходимость поиска путей достижения соглашений с Советским Союзом²³.

К тому же, в конце 1960-х годов с все большей очевидностью начало выявляться то, что колоссальные военные расходы не стимулировали процветание сверхдержав, а напротив, оказывали разрушительное влияние на их экономику. С этой точки зрения, общий интерес СССР и США состоял в том, чтобы получить возможность выделять более значительную часть своих сил, ресурсов и средств на решение внутренних проблем. Улучшение их взаимоотношений, дальнейшая нормализация помогли бы ограничить гонку вооружений и некоторые другие виды расходов²⁴.

Вероятно, этим не исчерпывались причины перемен, обозначившихся к началу 1970-х годов в американской политике и сделавших возможными позитивные сдвиги в советско-американских отношениях, направленные на укрепление военно-стратегической стабильности²⁵.

²⁰ См.: Космическое оружие: дилемма безопасности/ Под общ. редакцией Е.П. Велихова, Р.З. Сагдеева, А.А. Кокошина. М.: Мир, 1986. С. 13–14.

²¹ См.: Ахромеев С. Договор по противоракетной обороне – преграда на пути гонки стратегических вооружений // Правда. 1985. 4 июня; Материалы к обсуждению на рабочих совещаниях в Комитете по международным делам Государственной Думы Российской Федерации 10 июля 1995 г., апрель 2000 г.

²² Профессор Стенли Гофман, делая прогнозы в отношении политики Соединенных Штатов на 1970-е гг., утверждал, что «новая администрация, по-видимому, уже поняла: прежний политический курс завел США в тупик» (См.: Арбатов Г.А. Американская внешняя политика на пороге 1970-х годов // США: экономика, политика, идеология. 1970. № 1. С.32.) Летом 1969 г. печать охотно цитировала слова Г. Киссинджера по поводу того, что «важная задача нашего правительства состоит в том, чтобы создать для внешней политики США новую теоретическую базу, ибо мы подошли к моменту отмирания концепций, которыми руководствовались в послевоенный период» (См.: Арбатов Г.А. Американская внешняя политика на пороге 70-х годов // США: экономика, политика, идеология. 1970. № 1. С.33.)

²³ См.: Пасхальный П.И. США: ядерная политика и народ. М.: ГАВС, 1992. С.100.

²⁴ См.: Арбатов Г.А. Советско-американские отношения в 70-е годы // США: экономика, политика, идеология. 1974. № 5. С.30.

²⁵ См.: Матвеев О.В. История войск РКО: отечественный опыт создания противоракетной обороны (вторая половина 40-х – 90-е годы). М.: ВА РВСН, 2002. С. 79–122

Успехи СССР в области противоракетной борьбы и собственные неудачи подвигли США к инициированию вопроса об ограничении систем противоракетной обороны (Глазго, 1967 г.). Вместе с тем, обсуждение вопросов ограничения стратегических вооружений началось 17 ноября 1969 года в Хельсинки, что послужило началом многолетнего процесса переговоров по ограничению СНВ, который стал барометром советско-американских отношений. Впоследствии состоялось 7 раундов переговоров (попеременно в Хельсинки и в Вене), которые продолжались 30 месяцев не только из-за сложности решаемых проблем, но и потому, что администрация Никсона стремилась «дозировать» прогресс на переговорах в зависимости от «поведения» СССР в целом в международных делах и прежде всего в отношении войны во Вьетнаме²⁶.

Первый раунд носил скорее исследовательский характер. Обе стороны прощупывали готовность друг друга воспринять принцип паритета, то есть готовность каждой из сторон признать у другой стороны способность нанести ей уничтожающий удар в ответ на ядерное нападение. Сразу же выявилось существенное расхождение в подходе сторон к определению баланса стратегических сил²⁷.

Возникшие трудности подвигли советскую делегацию предложить начать конкретное обсуждение вопроса о системах противоракетной обороны²⁸.

В начале 1970 года, на втором раунде переговоров, советская сторона официально предложила приступить к обсуждению возможных вариантов решения вопроса о системах противоракетной обороны, выделив три из них:

1. Развертывание широких систем противоракетной обороны.
2. Развертывание ограниченных систем противоракетной обороны.
3. Полный отказ от развертывания систем противоракетной обороны.

Представители СССР при этом выступали за нечто среднее между развертыванием ограниченных систем противоракетной обороны и полным отказом от их развертывания, при этом выражая готовность заключить отдельное соглашение по противоракетной обороне, не дожидаясь, пока удастся найти общее решение по СНВ. Американская же сторона настаивала на согласовании ограничений по СНВ, по-прежнему отказываясь рассматривать как таковые ядерные средства передового базирования²⁹. Поэтому диалог по противоракетной обороне не получал развития.

Анализ обобщаемого материала показал, что за всем этим «топтанием на месте» стояли определенные причины. Во-первых, предыдущая американская администрация ставила во главу угла ограничение оборонительных систем с целью замораживания верхнего уровня СНВ. Администрация же Никсона обусловила начало переговоров об ограничении систем противоракетной обороны согласованием ограничений по СНВ, не включая в их число ядерные сред-

²⁶ См.: *Корниенко Г.М.* «Холодная война»: Свидетельство ее участника. М.: Международные отношения, 1995. С. 138; Добрынин А. Сугубо доверительно. М.: «Автор», 1996. С.186, 189, 190; Между Хельсинки и Веней//США: экономика, политика, идеология. 1970. № 1. С. 60–64.

²⁷ Советская сторона предложила включить в него любое ЯО, способное достигнуть территории другой стороны, то есть и так называемые ядерные средства передового базирования США, которые приобретают такую способность в силу их географического размещения. Американская сторона ответила категорическим отказом, поскольку советские ядерные средства аналогичной дальности не попадали бы под определение стратегических, как не достающие территории США, тем самым не подлежали бы регулированию, а это нарушало баланс сил между СССР и США с их союзниками по НАТО. При этом американцы утверждали, что советская постановка вопроса безосновательна. (См.: *Корниенко Г.М.* «Холодная война»: Свидетельство ее участника. М.: Международные отношения, 1995. С.140.)

²⁸ Как следует из рассекреченных в 1990 году документов американского руководства 1968 года, связанных с подготовкой администрации Джонсона к началу переговоров с СССР по ОСВ, американская сторона уже тогда предвидела возможность постановки Советским Союзом вопроса об американских ядерных средствах передового базирования в Европе как попадающих под определение стратегического оружия ввиду того, что они достигали советской территории. (См.: Там же.)

²⁹ См.: *Добрынин А.* Сугубо доверительно. М.: «Автор», 1996. С. 190–191; *Корниенко Г.М.* «Холодная война»: Свидетельство ее участника. М.: Международные отношения, 1995. С.141.

ства передового базирования. Во-вторых, администрация США подходила к переговорам с точки зрения их увязки с вьетнамской проблемой, помощью ДРВ, оказываемой СССР. Отсюда и стремление «дозировать» продвижение на переговорах в течение всего 1970 года.

Переговоры сдвинулись с места лишь в начале 1971 года, после того, как администрация США согласилась с тем, что в порядке компенсации за американские ядерные средства передового базирования СССР будет иметь большее количество МБР чем США³⁰.

Исследование деятельности государственных органов по укреплению обороноспособности показало, что в канун 1971 года и в советском руководстве обсуждалось неудовлетворительное положение дел в советско-американских отношениях. В январе А.А. Громыко и Ю.В. Андропов обратились в Политбюро с совместной аналитической запиской «О состоянии советско-американских отношений и основных направлениях нашей дальнейшей политики в отношении США»³¹

³⁰ Пентагоном 14.06.69 г. был заключен договор с фирмой «Дженерал электрик» на поставку 68 БГ МК-12 системы «MIRV». Тем самым уже было запланировано начало гонки вооружений на новом технологическом уровне, позволяющем нарастить ядерную мощь СНВ, даже при зафиксированном общем количестве ядерных вооружений к 1975 г. (См.: Белоусов М.В. Система МИРВ // США: экономика, политика, идеология. 1971. № 9. С. 122).

³¹ См.: Добрынин А. Сугубо доверительно. М.: «Автор», 1996. С. 201–202.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.